

Курьеза. — 1998. — 29 апр. — 13 мая. — С.3 Не отвлекаясь на лавры...

Движение "Апрель" присудило Борису Васильеву премию имени Сахарова за гражданское мужество

Двадцатилетняя приятельница из литературной семьи сказала как-то, что среди писателей встретила лишь одного настоящего интеллигента. Я, естественно, поинтересовался, кто же сей образец для подражания. Однако девушка назвала имя, и желание острить пропало.

Вроде бы полно среди пишущей братии умных, воспитанных, образованных людей. Но если за эталон интеллигентности принять Бориса Васильева, над вторым именем придется думать достаточно долго. Конечно же, был Булат — но он, увы, далеко...

Чудес на свете не бывает, я это знаю прекрасно. Тем не менее встречаются люди, само существование которых трудно объяснить чем-нибудь, кроме чуда. Вот тот же Борис Васильев. Ведь все мутные, грязные, кровавые волны эпохи перекатились через него: и ежовщина, и война, и последние подлости уже полубезумного Сталина, и последующее, воровское и алкашеское гниение диктатуры. Почему же — ни ошметка грязи?

Нас учили, что человека создает среда. Но, видно, есть в человеке нечто тверже окружающего мира. Вот и получают люди, которые сами создают среду и для себя, и для других. Мне, например, здорово повезло попасть в среду Бориса Васильева.

Наверное, все это звучит чересчур торжественно. Но что поделаешь, ведь и повод торжественный: премия. Следовательно, лауреат.

А лауреату по определению положены лавры.

Слава Богу, к Борису Васильеву не прилипает не только грязь, но и лавровый лист. Ни на хулу, ни на хвалу не отвлекается. Занимается своей профессиональной работой. Пишет. Регулярно. Всю жизнь.

Надо сказать, писательская судьба Бориса Васильева сложилась исключительно удачно. Хотя в чем-то странно.

Первая же крупная вещь "А зори здесь тихие..." принесла автору не просто известность, а славу — настоящую, большую, прочную славу, которая с годами разве что увеличивается. Знаменитый спектакль Любимова, знаменитый фильм Ростокского, переиздания, переводы на многие и многие языки. Даже в Китае в период враждебного противостояния с Советским Союзом повесть выдержала несколько изданий.

К неожиданной славе Борис Васильев отнесся — никак. Просто писал вещь за вещь. И практически каждая становилась событием, театры дрались за право первой инсценировки, режиссеры — за экранизацию. Премий и наград получено достаточно для человека, который никогда за ними не гнался. О читательской любви и говорить нечего — велика и постоянна.

...Стоп! А где же мужество? То, за которое — премия?

Оно там, где и положено находиться мужеству писателя, — в его книгах.

Васильев не ходил в диссидентах, он человек не трибунный, не

митинговый. Но вся его проза — не говоря уж о публицистике! — была направлена против лжи и холуйства, против подлости и этнической розни, против запугивания и унижения человека. Как известно, тоталитарный большевистский режим как раз и держался на лжи и холуйстве, на подлости и разжигании этнической розни. На запугивании и унижении человека. И получилось, что все книги Васильева, по сути, против режима. Однако власть его терпела. Почему?

Я бы объяснил это вот как. Существует благородство такого уровня, которое действует даже на негодяев. Ведь терпел же Сталин Пастернака, терпел Хрущев Шостаковича и Твардовского, терпел Брежнев Рихтера и Лихачева. У генеральных секретарей тоже рождаются дети и растут внуки, вот и хочется сохранить островок человечности хотя бы для них...

Ну а странность в чем?

С советских времен по нынешний день у писателей сохранилась привычка выстраиваться в стройные ряды. Вот деревенщики, вот рабочая тема, вот военная, вот детско-юношеская, вот морально-нравственная. И у модернистов своя компания, и у концептуалистов, и у метаметафористов. Даже новомодные матерщинники сбились в стаю, хвост к хвосту, клыки наружу. И правильно. В команде теплей, сытней, безопасней. И вообще, должен же литератор в нашей упорядоченной стране где-то числиться! А Васильев, увы, не числился никогда и нигде. Вроде

бы и военный ("В списках не значился"), и рабочий ("Иванов катер"), и детско-юношеский ("Завтра была война"), и морально-нравственный ("Вы чье, старичье?"). Но в любом подразделении хоть и не совсем чужой, но и не совсем свой.

Кто-то решит, что все это ерунда, писателю важно писать, не числиться по разряду. Не скажите! Плечом к плечу легче пробиваться к популярности, да и к благам житейским: ты промолчишь, зато соратники поскакают — где надо, стукнут кулаком, где надо, возразят, где надо, присоединятся — глядишь, в разных лакомых списках пусть в хвосте, но окажется твоя фамилия. Васильев же ни к кому не примкнул. В житейских благах это ограничило, зато освободило от бесплодной групповой борьбы, оставив кучу времени для главной борьбы писателя: за свободу, за правду, за красоту и жизнь по совести.

Васильев — прозаик традиционный, с формой не экспериментирует, начало у него вначале, конец — в конце, даже запятые, вопреки духу времени, расставлены грамотно. Однако подлинная традиция — она, конечно, не в запятых. По моим ощущениям, учителя, предшественники и соседи Бориса Васильева в литературе — это Тургенев, Толстой, Чехов, Паустовский и Грин, Солженицын и Окуджава. Ряд получается непривычный. Что же объединяет столь разных художников? На мой взгляд — непрерывная, длинная в жизнь, протоверь

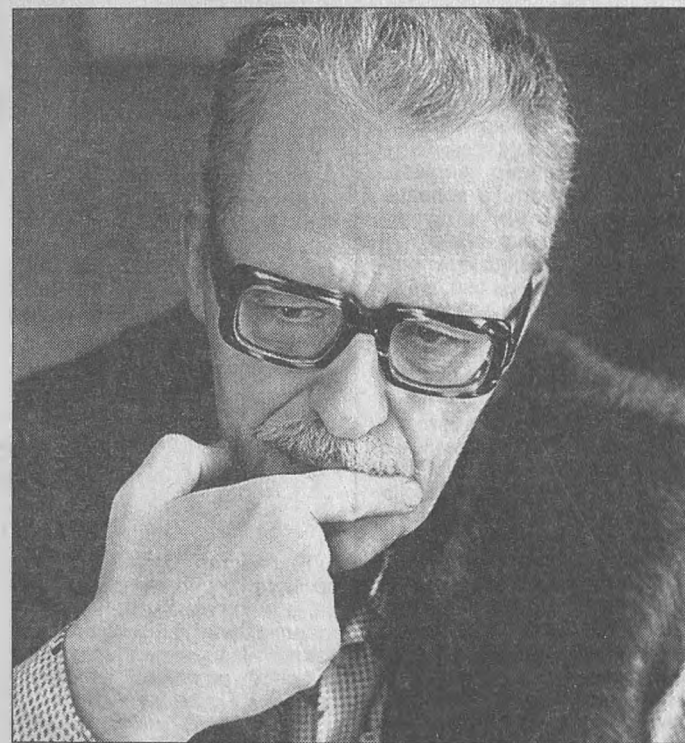

Фото С. ЖАБИНА

добра и глубочайшая убежденность не только в возможности, но и в реальности его торжества. С течением времени таких писателей — даже Толстого! — как бы переводят в разряд юношеских, полагая, что до наивности благородные идеи старшеклассики и студенту придутся как раз по возрасту.

Я же считаю, что писателей этого ряда, и Бориса Васильева в том числе, молодые любят не только за внутреннее благородство, но и за правду. Ведь правда жизни как раз и заключается в трудной, медленной, но все равно неизбежной победе добра.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ